

Глава 7

РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ В ИЗУЧЕНИИ НАРОДОВ КОМИ. СЕРЕДИНА XIX — НАЧАЛО XX в.

Значительный вклад в изучение традиционной культуры народов коми внесли зарубежные ученые. Устойчивый интерес к этим народам традиционно существовал в Финляндии и Венгрии. Именно в этих странах на рубеже XVIII–XIX вв. зародилась идея финно-угорского родства. Становление финно-угроведения как науки требовало получения достоверного научного материала, что можно было осуществить лишь путем проведения экспедиций в различных районах проживания родственных по языку народов. Поэтому в XIX в. исследователи из Финляндии и Венгрии неоднократно бывали у российских финно-угров, в том числе у народов коми.

7.1. Венгерские исследователи этнографии народов коми

Один из первых иностранных исследователей XIX в., описавший в своих сочинениях народы коми, — *Регули Антал (Antal Reguli, 1819–1858)* — венгерский филолог, этнограф, путешественник. Родился в семье адвоката. В 1828–1834 гг. учился в гимназии г. Секешфехшвареш (Sthuhlweissenburg); в 1834–1836 гг. изучал право и философию в Академии Дьере (Gyer); в 1836–1839 гг. — в Университете г. Пешт¹. По-видимому, именно в это время

¹ *Панай Й.* Памяти Антала Регули. Сургут, 1993; *Karjalainen K.F.* Den Andenken Anton Regulys // FUF. 1908. Bd. 8. S. 1–7; *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprach-

А. Регули познакомился с сочинениями своих земляков — Я. Шайновича «Доказательство. Язык венгров и лопарей тождественен» и С. Дьярмати «Сродство языка венгерского с языками финского происхождения, грамматически доказанное»². Эти исследователи впервые научно (на уровне грамматики) обосновали идею родства венгров с обскими утрами.

Вообще, для венгров проблема поиска прародины была весьма актуальна. Научное сообщество этой страны осознавало, что венгры не автохтонное население той территории, которую они называли Венгрией, что они пришли на эту землю. Вопрос: когда, как, откуда и кто был их ближайшим сородичем по языку — оставался открытым. Поэтому венгры с незапамятных времен интересовались этой проблемой³.

forschung. Von Renaissance bis zum Neopositivismus // MSFOu. 1990. Vol. 206. S. 301–306.

² *Sajnovics J.* Demonstratio. Idioma Ungarorum et Lapponium idem esse. Hafnaas, 1770. О Я. Шайновиче см.: *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung... S. 209–212; *Lako Gy. J.* Sajnovics und sein Demonstratio // ALH. 1970. Bd. 20. S. 269–289; *Gyarmathi S.* Affinitas linguae hvngaricae cum lingvis fennicae originis grammaticae demonstrata. Gottingen, 1799. О С. Дьярмати см.: *Farkas J. S.* Gyarmathi und fnnisch-ugrische Sprachvergleichung // Nachrichten der Academi der Wissenschaften in Göttingen. Philosophisch-Historische klasse. Göttingen, 1948. S. 110–136; *Домокош П.* О Шамуеле Дьярмати // Арт-Лад. Сыктывкар, 2005. № 4. С. 141–145.

³ См., например: *Szamota I.* Régi magyar utazók Európában. 1532–1770. [Древние венгерские путешест-

Вновь интерес к этой проблеме возник в начале XIX столетия. Он был обусловлен, с одной стороны, развитием науки, возникновением идеи финно-угорского родства, а с другой стороны, ростом национального самосознания, осознанием венграми себя как отдельной нации и пониманием своей истории. Эта проблема была центральной в национальной мобилизации, консолидации мадьярской гуманитарной научной элиты. Программа решения этой проблемы концентрированно была высказана еще в 1807 г. Михаилом Балугянским, известным юристом и государственным деятелем, состоявшим на службе в России, выходцем из Венгрии (например, он был статс-секретарем при императоре Николае I). Им был составлен проект изменения системы судостроительства России по европейскому образцу.

Он одним из первых в Венгрии заявил о том, что прародину венгров надо искать в России. В частности, М. Балугянский писал: *«Я живу в столице той державы, откуда наши предки отправились в путь, и у меня нередко появляется желание: было бы хорошо, если бы была возможность наконец правильно определить происхождение венгров. <...> Есть кто считает, что венгры происходят от живущих в российской державе вогулов, другие считают — от остяков, башкирцев или других народов. Иногда по Волге отдельные люди из этих народов попадают в Петербург, но я их понимаю так же мало, как финнов... Мы не можем ожидать выяснения вопроса нашего происхождения ни от русских, ни от немцев, ни от французов. Наши ученые черпали только из ручьев, а не из источников. Необходимо объехать Россию, по-*

знать названные Анонимусом реки и горы, научиться финскому и родственным ему языкам, если мы хотим познать действительное наше происхождение. <...> Какое широкое поле было бы для ученых Венгрии, если оказалось бы возможным кому-либо из них объехать исключительно в этих целях могучую Русскую империю»¹. Одним из первых, кто внял этим словам и отправился в Россию, был А. Регули.

В 1839–1941 г. А. Регули предпринял большое путешествие по Германии, Голландии, Бельгии, Дании, Швеции и Финляндии, в ходе которого познакомился с идеей финно-угорского родства. Она подтолкнула его заняться проблемами поиска прародины венгров, а также истоков и родственных связей венгерского языка, чему он посвятил оставшуюся жизнь². В это время большое влияние на него оказал А.И. Арвидссон (A.I. Arwidsson, 1791–1858), финский историк, публицист и общественный деятель. А. Регули встречался с ним в Стокгольме, куда А.И. Арвидссон был вынужден в 1823 г. эмигрировать из Финляндии, после того как был уволен в 1822 г. из Академии Або (Университета Турку), где он был доцентом истории. А.И. Арвидссон принадлежал к первому поколению финских общественных деятелей, которое называли «Або-романтиками», или «ранними будителями», и входил в небольшую группу университетской молодежи в 1810–1820 гг., поставившую целью просвещение финского общества, стимулирование в ее рядах активности в создании финской национальной культуры на финском языке и в конечном счете финской нации³. Кроме него, в этот кружок входили И.Л. Рунеберг, Э. Леннрот, И.В. Снельман,

венники в Европе. 1532–1770. На венгерском языке]. Nagybecskerek, 1892; Györffy Gy. A maggarok előderöl és a honfoglalásról. [О предках венгров и об обретении родины. На венгерском языке]. Budapest, 1975; Тарди Л. Ранние венгерские путешественники в Поволжье // Chuvash Studies. Budapest, 1982. С. 237–246; Анненский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 71–112, Эрдели Иштван. Волжские болгары и венгры // Finno-Ugrica. 1998. № 1. С. 13–14.

¹ Tardi L. Balugyánszky Mihály. Budapest, 1954. S. 214–215.

² Kodalányi J. Antal Regyli // Glaubenswelt und Folklore der sibirische Völker. Budapest, 1963. S. 17–28; Mezey I. Schwedische Einwirkungen auf die Entwicklung der altern ungarischen Sprachwissenschaft // Språkliga Bidrag. Spr. B. Lund, 1965. Bd. 5. № 21.

³ Об этом см.: Карху Э.Р. Малые народы в контексте истории. Петрозаводск, 1999. С. 60–67; Stipa G.J. Finnish-ugriche Sprachforschung... S. 259–260.

А.И. Шегрен, много сделавшие для развития финской культуры, в том числе для разработки идеи финно-угорского родства. Для представителей «первого национального пробуждения» было характерно отношение к языку и нации, народу *kansakunta* как к неделимому единству, а сам языковой признак признавался основополагающим. Об этом свидетельствует высказывание А.И. Арвидссона: «Пока наш родной язык сохраняется, мы чувствуем себя как народ. Если же язык отцов утрачивается, то и народ исчезает. Все, кто говорит на одном и том же языке, образуя естественную, неделимую общность, их связывает внутренняя связь души и мысли, что сильнее и крепче, чем все внешние связи. Язык образует духовную, страна — только материальную границу, но первая сильнее, так как дух значит более, чем материя»¹.

Одновременно для представителей «национального пробуждения» было характерно негативное отношение к иностранным культурам, в первую очередь к западной. Например, они считали, что «южные» культуры не подходят для северных народов². Поэтому финские романтики, как и представители этого течения в Европе, были приверженцами патриархальных нравов, национальной старины, прошлых форм культуры и т.д. Это стало идеологической основой для изучения народной культуры и поиска идей для формирования национального самосознания в прошлом, золотом веке человечества, который противопоставлялся времени «дикого» капитализма.

В этот период финны отчетливо стали осознавать свою этническую общность, и естественно возникла необходимость определения их места в мире, во времени и пространстве, среди родственных и соседних народов, что потребовало сравнительного изучения истории, языка и культуры. Поэтому для определенной части финской интеллигенции сбор фольклорного, лингвистического

и исторического материала о древности и самобытности народной культуры становится важной общественной задачей. Одновременно в научной среде возникает интерес к культуре соседних народов, в первую очередь к финно-уграм.

Беседы с А.И. Арвидссоном усилили интерес А. Регули к этим идеям. Он решил серьезно заняться изучением истории Скандинавии и одновременно пришел к выводу о необходимости изучения финского языка в его сравнении с венгерским. Поэтому А. Регули едет в Гельсингфорс (Хельсинки) и изучает здесь финский, шведский и саамский (лопарский) языки. Его познания в финском языке были столь основательны, что он даже был приглашен в качестве лектора в Александровский университет в Гельсингфорсе. Одновременно он с помощью **М.А. Кастрена** знакомится с основами лингвистики и этнографии финно-угорских народов.

В Финляндии А. Регули принимает решение совершить путешествие по северу Скандинавии и России. В своем письме от 20 октября он так описывает свой план: зимой необходимо посетить Лапландию для изучения саамов (лопарей). Для этого он предполагал из района северной части Приботнии через Норвегию и Финляндию проехать на Кольский полуостров. Затем через Архангельскую и Олонецкую Карелию, изучив карельский язык, прибыть в Петербург. Петербург должен был стать началом нового путешествия, на этот раз на восток, для изучения восточных финнов. После посещения Приуралья и Зауралья он должен был вернуться в Венгрию через Южный Урал, познакомившись с культурой народов, говорящих на тюркских языках. Последний этап пути должен был пройти через Причерноморье и Молдавию³.

Во время этой экспедиции венгерский ученый собирался изучать внешний вид, ремесло и промыслы, хозяйство, образ жизни, характер, одежду, обычаи, верования (суеверия), мифологию и древности (археологию) разных народов. Здесь ощутимо влияние его

¹ Jutikkala E. Geschichte Finnlands. Stuttgart, 1964. S. 275.

² Цит. по: Шлыгина Н.В. История финской этнографии. М., 1995. С. 21–22.

³ Kodalányi J. Antal Regyli... S. 18–19.

консультанта — **М.А. Кастрена**, который примерно в это время пришел к выводу об урало-алтайском родстве и поставил вопрос о необходимости проведения сравнительно-исторического исследования финно-угорских и тюркских языков. Частью такого большого и тщательного обследования мог стать план А. Регули. Но этому значительному проекту не суждено было осуществиться, ему помешали сначала болезнь исследователя, а затем — отсутствие денег. Эти проблемы постоянно преследовали А. Регули и вносили существенные изменения в его планы. Все поездки А. Регули совершал при финансовой поддержке своих родителей и друзей. Но этого было недостаточно, чтобы осуществить такой широкоформатный проект. Поэтому он неоднократно обращался в Венгерскую академию наук, которая один раз выделила всего 200 гульденов. На эти деньги ему удалось лишь ненадолго съездить в Лапландию, на Север Финляндии.

В 1841 г. А. Регули отправился из Гельсингфорса в Петербург, чтобы получить там поддержку. Его путь пролегал через Эстонию и Ингерманландию, где он также занимался сравнительно-историческим языкознанием, в частности изучением эстонского языка. В Ингерманландии им были сделаны записи свадебных причитаний у води. Пребывание в этом регионе стало началом его большого путешествия на восток.

Летом 1841 г. он прибыл в Петербург, где начал собирать различный материал по венграм и обским уграм. А. Регули работал в Библиотеке Академии наук. Продолжал изучать антропологию, этнографию, географию и историю. Встретился с антропологом и естествоиспытателем, академиком К.Э. Бэр, статистиком и этнографом академиком П.И. Кеппеном, лингвистом и этнографом академиком **А.И. Шегреном**. Познакомится с методикой исследований этих крупнейших деятелей русской науки. К.Э. Бэр предложил академику А.И. Шегрену разделить между А. Регули и финским лингвистом **М.А. Кастреном** из Гельсингфорса выделенные Академией на экспедиционные нужды 3000 руб.

Но А.И. Шегрен отклонил это предложение на том основании, что решение данного вопроса находится вне его компетенции. Фактически он к этому времени остановил свой выбор на М.А. Кастрене, проект обследования которого был для него в это время более актуальным, и активно защищал его интересы в Петербурге. Современные исследователи финно-угорской этнографии считают подобное решение А.И. Шегрена «очевидно несправедливым и неверным»¹. Поэтому А. Регули был вынужден вернуться на родину.

Но в Венгрии идеи А. Регули о необходимости проведения широких экспедиционных работ в районе проживания финно-угорских народов неожиданно получили моральную поддержку в среде местных научных и общественных кругов. Поэтому ряд венгерских деятелей обратился в Венгерскую академию наук со специальным письмом, в котором подтверждалась политическая и научная значимость этого проекта и была высказана просьба найти возможность для его финансирования².

Лишь получив стипендию Венгерской академии наук, а также моральную поддержку К.Э. Бэра, с которым у него сохранились хорошие отношения, поздней осенью 1843 г. А. Регули, наконец, отправился в новое путешествие, на этот раз к местам обитания хантов и манси на Северном Урале. Его маршрут из Москвы через Нижний Новгород пролегал на Казань и Пермь, через районы, населенные мордвой, марийцами, удмуртами и коми-пермяками. Эти народы также оказались включенными в его исследовательскую программу. Одновременно он изучал и тюркские народы: татар, чувашей и башкир.

¹ Branch M. A.J. Sjögren studies of North // MSFOu. Helsinki, 1973. V. 152. P. 261.

² Baer K.E. Kurzen Bericht Über wissenschaftliche Arbeiten und Reisen, welche zur näheren Kenntniss des Russischen Reichs in Bezüge auf seine Topographi, physische Beschaffenheit, seine Naturproducte, den Zustand seine Bewohner u.s.w. in der letzten Zeit ausgeführt, fortgesetzt oder eingeleitet sind // Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und angränzen den Länder Asiens. SPb., 1845–1855. Bd. 9. Vol. 1–2. S. 220–241.

В дальнейшем его основные разыскания проходили на Северном Урале, где он дошел до берега Северного Ледовитого океана и отправился обратно, сопровождаемый несколькими проводниками, по бездорожью и глухомани¹. Потом из Перми через Соликамск и Богословский завод, Верхотурье он добрался до Тюмени, оттуда — в Тобольск. По Тоболу он сплавился до устья р. Конды, по течению которой углубился в Уральские горы. Далее его путь пролегал по берегам рек Пелым и Сосьва; сплавившись по последней, он попал на Обь и, исследуя ее левые притоки, добрался до Обдорска (Салехарда). Лишь в августе 1846 г. он вернулся в Петербург². Во время своего путешествия А. Регули контактировал с академиком К. Бэрмом, который публиковал в русской академической печати выдержки из его писем³.

А. Регули интересовали вопросы происхождения венгерского языка, прародин и сородичей венгров, которых он видел в народах, населяющих северную часть Уральских гор (преимущественно угро-финской языковой группы — манси и ханты). Он изучал их язык, особенности быта и обрядов. В результате был собран значительный этнографический и лингвистический материал. Одной из главных заслуг этой экспедиции явилось доказательство генетического родства языков венгров и манси, что подтверждают и современные ученые. Но в рамках нашей темы представляет большой интерес созданная им «Этнографическо-географическая карта области

Северного Урала»⁴. Настоящая карта была выполнена А. Регули на основе собственных полевых материалов уже после возвращения из экспедиции в Петербурге по предложению Русского географического общества для будущей Уральской экспедиции. Эта работа позднее была высоко оценена *Э.К. Гофманом*, который побывал на Урале в 1849–1850 гг. и убедился в правильности обозначенных на карте данных⁵. Фактически это была первая для этой территории подробная карта (хотя и выполненная глазомерной съемкой) с нанесением на нее большого числа местных географических названий: гор, рек, озер, населенных пунктов, которые тем самым были сохранены для мировой культуры, так как часть из них нигде больше не зафиксирована.

В письме к академику П.И. Кеппену в 1847 г. А. Регули писал: «Карта моя, будучи составленная для этнографических целей, не должна быть рассматриваема с одной только географической точки зрения. Для интересов этнографа нет необходимости, чтобы в географическом начертании страны соблюдалась строгая математическая точность»⁶. Это письмо в какой-то степени является объяснительной запиской к карте. Топонимический материал имеет колоссальное научное значение. «Что касается до имен и названий мест, то они обозначены со всей полнотой там, где живут вогулы»⁷. Например, зафиксированное им на Урале название *Егра* вновь сделало актуальной старую проблему дислокации летописной Югры. Появилась возможность нового обсуждения линии Югра — Егра — Угра и локализации этого эт-

¹ *Архипова Н.П., Ястребов Е.В.* Как были открыты Уральские горы. Очерки по истории открытия и изучения природы Урала. 3-е изд., перераб. Свердловск, 1990. С. 112–117; *Архипова Н.П.* С берегов Дуная на север Уральских гор. Путешествие Антала Регули // *Природа*. 1978. № 11. С. 103–109; *Карелин В.Г.* Географические открытия венгров на Урале // *Уральское краеведение*. Екатеринбург, 1996.

² Отчет о деятельности Русского географического общества за 1846–1847 гг. // *Зап. РГО*. СПб., 1849. Кн. 3; *Baer K.E.* Kurzen Bericht über wissenschaftliche Arbeiten und Reisen... S. 220.

³ *Bulletin de la Classé historico-philologique de l'Academie Imperiale des Sciences de Sankt-Petersburg*. T. 1. S. 297–300, 349–351; T. 2. S. 122–126, 205–206.

⁴ *Reguli A.* Ethnographisch-geographische Karte der nördlichen Uralgebiete, entworfen auf einer Reise in der Jahren 1844/1845. SPb., 1846.

⁵ *Hofmann E.K.* Der Nordische Ural und Küstengebierge Pae-Choi. SPb. Bd. 1. S. 4.

⁶ Перевод письма венгерского путешественника г-на Регули к члену Русского географического общества академику П.И. Кеппену от 21 января 1847 г. // *Зап. РГО*. СПб., 1849. Кн. 3. С. 160.

⁷ Перевод письма венгерского путешественника... С. 160.

нонима на Урале¹. По мнению А. Регули, в этом районе сохранился большой пласт пермской (коми) топонимики. Так, он подтверждает происхождение старого названия Салехарда — *Обдорск* — из коми языка, приводя образцы подобных топонимов в Приуралье, например: Соликамск коми-пермяки называли *Солдор*. Эти данные свидетельствуют, что А. Регули активно использовал ономастическую методологию **А.И. Шегрена** для решения этноисторических задач в сравнительно-историческом плане. А. Регули в своем письме из Казани академику К.Э. Бэру пишет, что в его планах в числе других задач — сбор топонимического и антропонимического материала².

Одновременно на этой карте впервые достоверно были нанесены этнические границы расселения коми-зырян, ненцев, хантов и манси, что крайне важно для выявления истории проживания и миграций этих народов в этом регионе. При их нанесении А. Регули столкнулся с проблемой определения земель, принадлежащим тем или иным народам, ибо действительные границы проживания не всегда соответствовали границам владения угодий и пастбищ. Так, он пишет, что рубежом владения охотничьих угодий между манси и коми с русскими на Северном Урале является собственно сам Уральский хребет, а точнее — водораздел между бассейнами Печоры и Оби, который соблюдается местным обычным правом. Ибо здесь, по мнению венгерского путешественника, проходит «*граница по правам звериной ловли*», и от пересечения этой невидимой линии «*требуют удовлетворения*»³. А. Регули, имевший юридическое образование, обратил внимание на хозяйственный характер вспыхивавших в этих местах межэтнических конфликтов. С подобной точки зрения рассматривается им и проблема бассейна р. Колвы. По его мнению, основанному на

праве пользования, река должна рассматриваться как «*достояние зырян*». Но одновременно А. Регули понимает более сложную ситуацию сочетания «*права владения*» и «*права пользования*» в тундре, где коми-зыряне уже являются пользователями природы, т.е. пастбищ. Поэтому он одновременно четко указывает охотничьи угодья и олени пастбища ненцев и коми.

А. Регули затрагивает также вопрос торговли в этом регионе. Он, по-видимому, одним из первых исследователей дал характеристику торговых операций, совершаемых коми и русскими на Северном Урале и Тобольском Севере. Ученый отметил то, что впоследствии не замечали многие исследователи, касаясь сложных торгово-экономических взаимоотношений между русскими, коми, ненцами, хантами и манси. По его мнению, вторжение русских в тундру имело купеческий, торговый интерес, они были лишь торговыми посредниками, стремились получить от местных жителей товар, чтобы перепродать его в Европейской России. Коми экспансия имела «*интерес производителя*», ищущего рынок сбыта готового товара как в тундре, так и лесных районах Урала. Они покупали сырье не столько для последующей продажи, сколько для переработки и реализации уже в виде готовой продукции. Именно промышленный характер коми оленеводства вел к расширению территории проживания и кочевков в тундре. Сам характер коми оленеводства также хорошо описан А. Регули. Поэтому карта содержит важный компонент экономической географии, так как на ней нанесены районы распространения оленеводства, скотоводства и земледелия, различных видов лесов и т.д.

В этой статье венгерский ученый рассматривает и некоторые вопросы этнической истории Северного Урала. Используя зафиксированную на данной территории географическую терминологию, он приходит к выводу, что в прошлом эта местность была заселена самодийцами, а угры, в первую очередь манси, пришли сюда позднее, переняв у ненцев оленеводство.

¹ Лыткин В.И. К этимологии слов *Угры* и *Югра* // Этимология. 1968. С. 197–206; *Stipa G.J.* Finnish-ugrische Sprachforschung... S. 305.

² *Baer K.E.* Kurzen Bericht über wissenschaftliche Arbeiten und Reisen... S. 244.

³ Перевод письма венгерского... С. 163–164.

К сожалению, тяжелая болезнь и ранняя смерть помешали А. Регули полностью обработать свои полевые материалы, которые, как и у *М.А. Кастрена*, были опубликованы уже после его кончины. Так, в 1864 г. Пал Хунфали опубликовал на основе материалов А. Регули книгу «Вогульские земли и вогулы»¹.

Одним из крупнейших зарубежных исследователей традиционной культуры народов коми в XX в. был венгерский ученый *Давид Рафаэль Фокош-Фукс (Dávid Raphael Fokos-Fuchs, 1884–1977)*, лингвист, фольклорист². Родился в небольшом городке Бишенц, в бывшей Австро-Венгрии, в семье школьного учителя. Его детство прошло в Братиславе (Прессбурге, как тогда назывался этот город в составе Австро-Венгерской империи). Здесь он окончил одну из местных гимназий (позднее Фокош-Фукс назвал Братиславу своей родиной)³. Именно тут у Д. Р. Фокош-Фукса возник интерес к венгерской и немецкой культуре, ибо в то время этот город был в основном венгеро- и немецкоязычным. В 1907 г. окончил филологический факультет Будапештского университета по специальности «Лингвистика», получив диплом учителя венгерского, латинского и немецкого языков и литературы. После этого он, следуя семейным традициям, почти 40 лет преподавал латынь и немецкий язык в разных гимназиях Буда-

пешта, совмещая это занятие с научной деятельностью. Его университетские учителя, крупные венгерские лингвисты и фольклористы Йозеф Синнай (Jozsef Szinnyei) и Бертаунт Мункачи (Bertánt Munkácsi), сумели увлечь своего студента сравнительно-исторической финно-угорской лингвистикой. По завершении университета он защитил докторскую диссертацию, которая была посвящена удмуртскому языку. Тогда же определились его научные интересы.

С целью совершенствования своих знаний в удмуртском языке молодой ученый принимает решение поехать в Поволжье. Он обратился в Венгерский комитет Международного общества изучения Средней и Восточной Азии за финансовой помощью. Секретарь комитета, крупнейший венгерский лингвист Б. Мункачи, посоветовал ему поехать к коми-зырянам, народу, близкому по языку к удмуртам, но изучением которого в Венгрии почти не занимались.

Идея создания особого международного общества, которое бы занималось изучением древней культуры Средней и Восточной Азии, впервые прозвучала на XII Съезде ориенталистов в Риме в 1899 г. Главной целью этой ассоциации было ускорить изучение исчезающих памятников различных цивилизаций на территории громадного Евразийского континента. По мнению подавляющего большинства присутствовавших на съезде ученых и гостей, центром этого учреждения должен был стать Петербург. На следующем, XIII Съезде, прошедшем в 1902 г., юридически подобная исследовательская организация была создана под названием Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Одновременно был утвержден Устав Союза. Основной задачей Союза стала координация научных исследований. Союз практически представлял собой ассоциацию региональных комитетов, создаваемых в различных европейских странах и обладающих полной автономией. Все они юридически и финансово были независимы друг от друга, но брали на себя обязатель-

¹ *Hunfaly P.A.* Vogul fold és nép. Pest, 1864.

² *Лыткин В.И.* Фокош-Фукс (к 75-летию со дня рождения) // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962. С. 270–274; *Туркин А.И.* Давид Фокош-Фукс как исследователь пермских языков // СФУ. 1974. № 4. С. 293–296; *Он же.* Давид Р. Фокош-Фукс // СФУ. 1978. № 1. С. 78–79; *Ляшев В.А.* Давид Фокош-Фукс и коми-зырянская диалектология // Пермистика–2. Венгерские ученые и пермская филология. Устинов, 1987. С. 100–104; *Игушев Е.А.* Давид Рафаэль Фокош-Фукс как исследователь коми языка // Там же. С. 105–108; *Рощевская Л.П.* *Чернышова В.Я.* Русские и зарубежные журналы начала XX века о путешествиях Б. Мункачи и Д.Р. Фокош-Фукса к финно-угорским народам России // Там же. С. 109–114; *Игушев Е.А.* Фокош-Фукс — историк коми языка // Вопросы удмуртского языкознания. Устинов, 1986. С. 11–13; *Itkonen Erkki.* D.R. Fokos-Fuchs. 1884–1977 // FUF. 1979. Bd. 43. S. 349–354.

³ *Bereczki Gábor.* Der 90. Geburtstag von Dávid Fokos-Fuchs // СФУ. 1974. № 4. С. 291–293.

ства по содействию отдельным исследователям в научной деятельности. Русский комитет считался центральным и находился под покровительством императора Николая II. В число научных проблем, которыми занимался Союз, а также Русский комитет, входило изучение в лингвистическом и этнографическом плане, как тогда говорили, урало-алтайских народов, в том числе финно-угров¹. Именно поэтому Русский комитет оказывал поддержку зарубежным исследователям: выдавал им открытый лист, который обеспечивал оказание помощи со стороны представителей местных администраций. Подобные национальные комитеты были созданы также в Венгрии и Финляндии².

Следуя пожеланиям своих учителей и благодаря финансовой поддержке почетной международной научной организации Д.Р. Фокош-Фукс в 1911 и 1913 гг. совершил две научные поездки в Коми край с целью изучения коми языка и культуры.

Существует определенная неясность с формой организации первой экспедиции. На заседании 13 мая 1911 г. Русский комитет рассмотрел ходатайство Венгерского комитета об оказании содействия и выдал открытый лист профессору Бенедикту Баратош-Балогу (Benedikt Barátosi Balogh) для проведения этнографических работ среди зырян и самоедов³. Но, по данным «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера», для проведения научных исследований среди самоедов в 1911 г. был командирован только один венгерский подданный, проф. Баратош-Балог⁴. Согласно данным финской печати, экспедиция действительно финансировалась Венгерским комитетом⁵. В этом сообщении указывается, что «доктор Д.Р. Фокош-Фукс получил средства для изучения диалекта ко-

ми-зырян бассейна р. Мезени и Ваишки», т.е. он работал один и отдельно от своего земляка и коллеги. На самом деле и этот план не был воплощен: Д.Р. Фокош-Фукс ограничился пребыванием в Усть-Сысольске и изучением современного присыктывкарского диалекта коми языка, записями сказок, песен и загадок, а также проверкой и дополнением «Немецко-зырянского словаря» Ф.И. Видемана⁶. В качестве основного исходного материала для изучения языка он использовал фольклорные тексты. Во время первой поездки Д.Р. Фокош-Фукс работал в районах расселения носителей присыктывкарского и среднесысольского диалектов. Итогом этого путешествия стали «Образцы коми народной поэзии», которые содержали 84 текста различных жанров фольклора коми, опубликованные по правилам международной финно-угорской транскрипции и переведенные на венгерский язык⁷. Эта публикация впервые познакомила венгерскую научную общественность с большим массивом устной народной поэзии коми. После этого путешествия Д.Р. Фокош-Фукс был избран членом Венгерского комитета как путешественник по Уралу и писатель⁸.

Его коллега, профессор Б. Баратош-Балог также побывал в Усть-Сысольске с 19 июля по 1 августа 1911 г., где занимался этнографическими наблюдениями. Затем он предпринял поездку к удорским коми и через Удору проехал до г. Мезени. Оттуда по р. Пезе Б. Баратош-Балог добрался до полуострова Канин Нос, где изучал ненцев⁹. После этого он через с. Несь доехал до Архангельска. Из заметки видно, что в районе Каниного Носа он занимался изучением коми-ижемского диалекта

⁶ Wiedemann F.I. Syrjänisch-Deutschen Wörterbuch: Nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register. SPb., 1880.

⁷ Fuchs D.R. Zürjén népköltészeti mutatóanyagok [Образцы зырянской народной поэзии. На венгерском языке] // NyK 1912. Ev. 41. S. 275–309, 456–475; 1913. Ev. 42. S. 86–173. Отд. издание: Zürjén népköltészeti mutatóanyagok. Budapest, 1913.

⁸ Список членов Венгерского комитета, избранных на 191–1916 гг. // Изв. РКИСВА. Серия II. 1914. № 3.

⁹ Forshungriesen // FUF. 1911. Bd. 11. S. 30–31.

¹ Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (в дальнейшем — Изв. РКИСВА). 1903. № 1. С. 1–12; 1910. № 10. С. 25–33.

² Устав Венгерского комитета см.: Изв. РКИСВА. 1905. № 5. С. 31–32.

³ Изв. РКИСВА. Серия II. 1912. № 1. С. 64.

⁴ Изв. АОИРС. 1911. № 11. С. 945.

⁵ Forshungriesen // FUF. 1911. Bd. 11. S. 30

у кочевавших в этом районе коми и составил словарь из 4000 слов, а также записывал у них сказки. Эти материалы должны были, по мнению Б. Бартоша-Балога, дополнить собрания *М.А. Кастрена* и венгерского лингвиста Б. Буденца.

В отчете Русского комитета за 1912 г. указывается, что он оказал содействие членам Венгерского комитета Р. Фукусу, командированному для изучения зырян Архангельской, Вологодской и Пермской губерний и проф. Баратошу для проведения исследований среди зырян и самоедов¹. Не вполне понятно, почему информация о работе 1911 г. вновь попала в отчет 1912 г.

В 1913 г. Русский комитет вновь принял решение о выдаче открытого листа «доктору Рафаэлю Фукусу для изучения зырян Вологодской и Архангельской губерний»². На основе материалов второй поездки, продолжавшейся шесть недель, собранных среди нижневычегодских и удорских коми, он публикует свои записи под названием «Коми тексты»³. Кроме того, на базе этих материалов была написана его статья «Заметки к грамматике пермских языков»⁴.

Уже первое путешествие Д.Р. Фокош-Фука было отмечено в русских научных изданиях⁵. Информация об этом появилась в «Этнографическом обозрении» и «Известиях Архангельского общества изучения Русского Севера», в которых говорилось о целях и районах проведения исследований⁶. Правда, «Известия АОИРС» почему-то отмечают, что

¹ Обращение Венгерского комитета см.: Изв. РКИСВА. 1905. № 5. С. 31–32.

² Изв. РКИСВА. Серия II. 1914. № 3. С. 24, 46.

³ *Fuchs D.R. Zürjén szövegek* [Зырянские тексты. На венгерском языке] // *Нук.* 1914. Ev. 43. S. 327–382; 1915. Ev. 44. S. 67–105; 1916. Ev. 44. S. 223–320; 1917. Ev. 44. S. 428–458; Ev. 45. S. 401–468. Отд. изд.: *Zürjén szövegek* [Зырянские тексты. На венгерском языке]. Budapest, 1917.

⁴ *Fuchs D.R. Beiträt zur Grammatik der permischen Sprachen* // *JSFOu.* 1913–1918. Bd. 30.

⁵ *Роцевская Л.П., Чернышова В.Я.* Русские и зарубежные журналы начала XX века... С. 109–114.

⁶ ЭО. 1911. Вып. 1–2. С. 319; Изв. АОИРС. 1911. № 13. С. 71.

Р. Фукус совершил экспедицию «в Пермскую губ. для лингвистических исследований среди зырян», хотя он работал среди коми-зырян в Вологодской губернии.

Пребывание Д.Р. Фокош-Фука в Усть-Сысольске в 1911 г. дало новый толчок местному краеведческому движению. Одним из главных помощников венгерского ученого был местный учитель и краевед *А.А. Цембер*. В «Известиях АОИРС» написано, что «г. Фукус в г. Усть-Сысольске изучает вычегодский говор зырянского языка под руководством составителя русско-зырянского словаря *А.А. Цембера*»⁷. Ему также помогали ученик Тотетемской семинарии А.Н. Надеев, учитель А.Г. Фролов и др. Позднее А.А. Цембер отмечал, что он «записывал эти сказки, как рассказывали мне, так я и писал, не изменяя ни одного слова. Так мне советовал Фукус». Сам же Д.Р. Фокош-Фукус считал А.А. Цембера продолжателем дела коми просветителя *Г.С. Лыткина* в борьбе за сохранение коми языка.

Исследовательская деятельность Д.Р. Фокош-Фука продолжилась в период Первой мировой войны. В 1916–1917 гг. он занимался сбором диалектологического и фольклорного материала у коми и удмуртских военнопленных, оказавшихся в австрийском плену в лагерях на территории Венгрии⁸. При посредничестве Венгерской академии наук и поддержке Венгерского комитета Международного общества по изучению Средней и Восточной Азии Д.Р. Фокош-Фукус «получил возможность усердно изучать удмуртов, марийцев и коми». Как пишет Эдён Беке, «он занимался этим во время своей службы в армии в местечке *Komárot*»⁹. Кроме того, Эдён Беке пре-

⁷ Изв. АОИРС. 1911. № 13. С. 71.

⁸ *Rafael Fuchs jelentése züérién hadifoglalyokkal való nyelvi tanulmány áról* [Доклад Рафаэля Фука о лингвистических исследованиях среди военнопленных-зырян. На венгерском языке] // *KSz.* 1913. Ev. 14. S. 228–230; *Ödön Beke. Finnisch-ugrischen Sprachstudien in ungarischen Krigsgefangenenlagern* // *JSFOu.* 1937–1938. Vol. 49. P. 1–15.

⁹ *Ödön Beke. Finnisch-ugrischen Sprachstudien...* S. 13.

увеличивает результаты этой работы, утверждая, что записи от пленных являются открытием новых диалектов коми языка. Это не так, диалектные различия коми языка к тому времени были уже определены в работах отечественных и зарубежных лингвистов, в том числе в исследованиях самого Д.Р. Фокоша-Фукса¹. С мая по август 1916 г. и с октября 1916 г. по февраль 1917 г. он беседовал с носителями пяти разных диалектных групп коми-зырянского языка. В статье, посвященной верованиям коми-зырян, он называет своих информантов: 30-летний Андрей Иванович Попов из дер. Гуменецкой с Прилузья; 28-летний Тимон Арсеньевич Кочанов из д. Фроловской на р. Пруб; 40-летний Сергей Григорьевич Попов из с. Мыелдино в верховьях Вычегды; 22-летний Иван Ларионович Канев из с. Кони на Выми и 27-летний Степан Алексеевич Цивилев из Усть-Сысольска. Когда в ноябре 1918 г. Д.Р. Фокош-Фукс решил продолжить работу с ними, то оказалось, что пленные уже вернулись на родину.

Лексический и фольклорный материал, полученный от них, лег в основу нескольких публикаций. На их основе же появилась большая статья, посвященная народным верованиям коми-зырян². Она представляет собой тщательно сделанный обзор религиозных представлений коми-зырян, дополняющий, по мнению венгерского ученого, статью **В.П. Налимова**³. Одновременно это первая крупная работа, в которой дается сравнительно-историческое описание верований коми-зырян в сопоставлении с другими финно-угорскими народами с привлечением материалов русских и, что крайне важно, венгерских и финских исследователей. Таким образом, научное значение этой статьи крайне велико, ибо, когда в 1960-х гг. возобновилось изучение народ-

ных верований коми, ученые уже не имели возможности общаться с информантами конца XIX — начала XX в. Соответственно, степень информационной достоверности по этим вопросам была низкой. В поле зрения венгерского ученого оказались космогонические мифы и представления, духи-божества (водяные, лешие и т.д.). Большой раздел статьи посвящен колдунам. Одновременно автор приводит некоторые фольклорные тексты. Но полностью весь собранный фольклорный материал вошел в сборник «Фольклор народа коми (зырян)», изданный венгерским ученым через много лет. В это же время был выпущен подобный сборник по фольклору удмуртов⁴. Во время работы с военнопленными он оказывал помощь австрийскому композитору **Роберту Лаху**, который собирал среди них музыкальный фольклор.

Фундаментальный труд Д.Р. Фокоша-Фукса — «Коми-зырянский словарь», в котором обобщен уникальный фольклорный материал, накопленный исследователем при изучении коми языка⁵. Фактически он является коми-немецким толковым словарем, так как все пояснения даны на немецком языке. В двух томах содержится свыше 20 тыс. слов. В словаре широко представлена коми фразеология. До настоящего времени он остается одним из лучших подобных изданий.

Сочинения Д.Р. Фокоша-Фукса представляют собой великолепный этнографический источник, характеризующий коми общество начала XX в., так как содержат большой лексикографический материал по традиционной культуре, быту и религиозным верованиям народа коми. Для исследователей историко-культурных контактов коми-зырян с обскими

¹ Предварительные публикации записанных текстов см.: NyK. 1920. Ev. 45. S. 401–408; KSz. Ev. 16. S. 261; KSz. Ev. 17. S. 228

² *Fokos-Fuchs D.R.* Beiträge zur Kenntnis des Volksglaubens der Syrjanen // FUF. 1923–1924. Bd. 16. S. 237–274.

³ *Налимов В.П.* Некоторые черты из языческого мирозерцания зырян // ЭО. 1903. № 2. С. 76–86.

⁴ *Fokos-Fuchs D.R.* Volksdichtung der Komi (Syrjanen). Budapest, 1951; *Он же.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Helsinki, 1952. Рец.: *Liimola M.* D.R. Fokos-Fuchs. Volksdichtung der Komi (Syrjanen) // FUF. 1953. Bd. 31; *Bernhard Munkáchi, D.R. Fokos-Fuchs.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken // FUF. 1953. Bd. 31.

⁵ *Fokos-Fuchs D.R.* Syrjanisches Wörterbuch. Budapest, 1959. Bd. 1–2. Рец.: *Jokinen Raija.* D.R. Fokos-Fuchs. Syrjanisches Wörterbuch // FUF. 1958. Bd. 33.

уграми не потеряла своего значения его статья «Из области заимствований»¹. В ней венгерский ученый показывает, каким образом лексические заимствования могут служить ценным источником для изучения исторической фонетики и решения некоторых этногенетических вопросов. На основании коми заимствований в хантыйском и мансийском языках исследователь установил, что они произошли до XVII в., во время перехода *л* в *в* в коми диалектах. Обские угры взяли из коми языка слова из т.н. *л*-диалектов, и *в*-эловых диалектов в то время в коми языке еще не было. Позднее Фокош-Фукс пишет специальную статью по этимологии важных для понимания религиозных представлений коми слов *вежа* — святой, *вичко* — церковь и *вись* — жертва². Приведенные им фольклорные и лингвистические материалы широко используются в современных этнографических исследованиях.

Д.Р. Фокош-Фукс занимался также исследованием языка удмуртов и хантов. Он автор большого количества работ по вопросам финно-угроведения³. В течение длительного времени читал лекции в Будапештском университете, профессором которого состоял с 1964 г. Кроме того, ученый был редактором ряда венгерских научных журналов, в первую очередь лингвистического и фольклористического характера, членом многих венгерских и международных научных обществ. В частности, секретарем, а позднее и президентом Венгерского этнографического общества, вице-президентом Венгерского лингвистического общества.

С коми военнопленными в австрийских лагерях в 1916–1917 гг. взаимодействовал и австрийский композитор Роберт Лах.

Роберт Лах (*Robert Lach, 1874–1958*), австрийский музыковед и композитор. Родился

в Вене, учился в Венской консерватории. В 1913 г. руководитель музыкального отдела Национальной библиотеки в Вене. С 1915 г. преподаватель, в 1920–1939 гг. профессор музыковедения, психологии и эстетики Венского университета. Труды Р. Лаха охватывают широкий круг научной проблематики — от музыки Средневековья и эпохи романтизма до вопросов музыкальной этнографии, музыкальной эстетики и психологии. Автор ряда работ по истории музыки и сравнительному музыковедению. Его исследование «Этюд к истории развития орнаментальной мелодии», в котором развитие музыки рассматривается во взаимосвязи культурно-исторических, психологических, антропологических и биологических факторов, заложило основу этого направления в современном музыковедении. Вслед за Берлинским архивом фонограмм подобное учреждение возникает в Вене. Для исследований Р. Лах активно использовал появившиеся технические средства сбора и записи народных мелодий. Так он оказался в лагерях военнопленных, записывая тексты у представителей различных этнических групп.

Изданный им в 1926 г. музыкально-текстовый сборник «Песни русских военнопленных. Т. 1: Финно-угорские народы. Ч. 1: Удмуртские, зырянские и пермяцкие песни» охватывал 69 коми текстов различного характера: солдатские, детские, любовно-лирические, семейно-бытовые песни, причитания⁴. Тексты сопровождаются нотными записями. Эти записи по разным причинам малоизвестны российским исследователям. Роберт Лах был крайне ограничен в выборе исполнителей. Песни записаны от пяти военнопленных, и лишь один из них музыкально одарен. Анализ материалов Р. Лаха приведен в работе коми композитора и музыковеда Александра

¹ *Fokos-Fuchs D.R.* Aus dem Gebeite Lehnbeziehungen // ALH. 1953. S. 211–289.

² *Fokos-Fuchs D.R.* Etymologisches aus den permischen Sprachen // FUF. 1958. Bd. 33. S. 164–181.

³ Библиографию работ Д.Р. Фокош-Фукса см.: Зарубежные ученые — исследователи коми языка. Сыктывкар, 2003. С. 84–90; Veröffentlichungen von D.R. Fokos-Fuchs 1905–1973 // ALH. 1974. S. 15–27.

⁴ *Lach Robert.* Gesänge russischer Kriegsgefangener. Bd. 1. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permjakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permjakische von Dr. Raphael Fuchs. Wien; Leipzig, 1926.

Осипова «Песни народа коми»¹. При всей фрагментарности сборник представляет ценность, потому что фиксирует появление у коми частушек-импровизаций в период, предшествующий Первой мировой войне.

7.2. Финские исследователи этнографии народов коми

Путешествия А. Регули и Д. Фокоша-Фукса были их частными предприятиями, хотя и поддержанными научным сообществом. Постепенно изучение народов коми, как и других финно-угров, в Финляндии становится систематическим. Большую роль в этом сыграло Финно-угорское общество.

В 1860–1890-е гг. Финляндия постепенно становится крупнейшим центром изучения финно-угорских народов. Этому во многом способствовало то, что в России, несмотря на деятельность крупных российских финно-угроведов *А.И. Шегрена*, *Ф.И. Видемана*, не сложилась своя научная школа, не произошла институализация финно-угроведения как научной дисциплины. Они не оставили учеников, кроме того, в университетах не проводилась подготовка соответствующих специалистов². В то время именно финские ученые разрабатывают теорию и практику специальной науки финно-угроведения и финно-угорской этнографии, в частности, путем сравнительного изучения истории, обычаев и обрядов родственных финнам народов³. С самого начала финно-угроведение складывалось как комплексная наука, объединявшая историков, этнографов, лингвистов, археологов. Большую роль в ее становлении в Фин-

ляндии в тот момент сыграли А.Э. Альквист, Ю. Крон, О. Доннер и И.Р. Аспелин.

Август Энгельбрехт Альквист, профессор кафедры финского языка Александровского университета с 1863 г., его ректор с 1884 по 1887 гг., филолог, поэт, публицист, активно разрабатывал методы лингвистической палеонтологии в финно-угроведении, рассматривал вопросы финской филологии с культурно-исторической точки зрения⁴. Так, он считал, что заимствование культурных понятий из одного языка в другой чаще всего свидетельствует о заимствовании одним народом у другого определенных предметов. Этому была посвящена его специальная статья «Культурные слова в западно-финских языках»⁵. Именно с этими целями А.Э. Альквист предпринял три поездки в 1854–1858, 1877 и 1880 гг. в районы обитания финно-угорских народов, в первую очередь к хантам и манси, и написал еще одну статью, посвятив ее анализу языку обских угров⁶.

Юлиус Леопольд Крон, финский фольклорист и литературовед, вошел в историю мировой науки как создатель историко-географического метода, на основе которого сформировалась финская школа фольклористики⁷. Его метод был основан на принципе

⁴ *Donner O.* August Engelbrekt Ahlqvist. 20 marrast. 1889 // ASSF. 1891. Vol. 17. S. 539–550; *Joki A.J.* August Ahlqvist — fennougritina [Август Альквист — финно-угровед. На финском языке] // Neuvostoliitoninstituutin vuosikirja. Helsinki, 1977. T. 25. S. 51–62.

⁵ *Ahlqvist A.E.* Dei Kulturwörter der westfinischen Sprachen. Ein Beitrag zur der älteren kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors, 1875. В России основные идеи А. Альквиста легли в основу книги Л.Н. Майкова «О древней культуре западных финнов по данным их языка. По сочинению доктора Альквиста», изданную в СПб. в 1877 г.

⁶ *Korhonen M.* Finno-Ugrian Language Studies in Finland. 1828–1918 // The History of Learning and Science in Finland. Helsinki, 1986. Vol. 11. S. 320–321; *Ahlqvist A.E.* Über die Kulturwörter der obisch-ugrischen Sprachen // JSFOu. Bd. 8. S. 1–22.

⁷ *Setälä E.N.* Julius Krohn // Valvoja. Vol. 8. P. 378–383; *Krohn K.* Über die finnische folkloristische metod // FUF. 1910. Bd. 10. S. 33–43; *Hautala J.* Die folkloristische Forschung in Finnland // JSFOu. Vol. 60. S. 1–48; *Он же.* Finish folklore research 1828–1918 // The History of Lean-

¹ *Осипов А.Г.* Песни народа коми. Сыктывкар, 1964.

² *Терюков А.И.* Финно-угорская этнография в Петербурге–Ленинграде (XIX — 30-е гг. XX вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1989. С. 7–10.

³ См., например, обзор по развитию финно-угроведения: *Setälä E.N.* Die finnisch-ugrischen studien als universitätFach // FUF. 1901. Bd. 1. Heft. 2. S. 40–67; *Stipa G.* Finnish-ugrische Sprachforschung...